

У ДИРЕКТОРА столичного — к тому же единственного театра в стране — вечные хлопоты. Нескончаемые беседы с авторами, с режиссерами, исполнителями, композиторами, постановщиками танцев, художниками, костюмерами. Поездки за границу, по родной Эфиопии. Надо, например, воспроизвести сцену эфиопской народной жизни VI века. Директор направляется в музей, совершает поездки в провинции, в монастыри, где обычно хранятся всяческие древности. Помимо всего, Цэгайе Гэбрэ Медхэн — поэт и драматург. На подмостках театра вот уже несколько лет идет его пьеса «Азмари». Колоритная национальная драма о бродячих певцах, которых в Эфиопии называют азмари.

В наши дни их остались единицы, и говорят, что талант их увядает. А когда-то они являлись носителями народной правды, выражали его думы и чаяния. Критиковали богатых, защищали бедных. Нелицеприятная песня азмари вызывала гнев у вельмож, но она поддерживала народ в его борьбе за социальную справедливость, за лучшую жизнь, за правду и свободу.

Азмари были совестью нации. Нередко их преследовали, наказывали, бросали в тюрьмы. Но они не сдавались. Тут мало было одного литературного таланта, дара импровизации: азмари, если он признан народом, усыновлен им, должен обладать гражданским мужеством. Знакомая, можно сказать, всемирная тема: поэт и царь, азмари и негус, правитель, обличитель и обличаемый, атакующий носитель народной мудрости и обороняющийся ложью высокопоставленный сановник.

В Эфиопии эта тема не утратила своей особой злободневности и по сей день. Воспевая азмари, Цэгайе Гэбрэ Медхэн говорит языком современности о высоком общественном назначении поэта, писателя, художника, человека искусства вообще.

Зачастую сказания, песни азмари сохраняют значение документа, который точно отобразил ту или иную эпоху, вообразил в себя атмосферу факта, проществия, события. И в то же время песня отличается от сухого документа возвышенностью, одухотворенностью, поэтичностью. Скажем, о народном бедствии 1889 года, когда в стране была засуха, свирепствовала эпидемия, унесшая почти весь рогатый скот, написано очень много научных исследований. Из них мы узнаем, что население

голодало, ибо лишилось мяса — основной пищи. Статистика, пусть и несовершенная, приближительная, рассказывает, сколько погибло людей и животных, какой материальный ущерб был нанесен стране. А вот как об этом говорится в песне:

Не сильным быком и не острой сохой

Пахали год этот мы наши поля,
Вскопали мы землю рукой
безоружной,
Пошады у гневного бога моля.
Среди неустанной работы
Вставала и гасла золотая заря;
Копали без усталости землю
И старец, и дева, и даже дитя.
Но труд был напрасен...

Засеялись пашни не дуррой
златистой —
Родные, друзья и враги там

лежат;
И вместо колосьев на ниве
волнистой
Угрюмо могильные камни стоят.
Не тем взойшла нива, чем ждали...
Богато лишь хлопок родился

в долине,
Но некому хлопок собирать.
Он сыплет свой пух, и лишь ветер

пустыни
Хлопочет и хочет его убирать.
Давно изодралась шамма певца,
Ужель не соткут мне другую?
И нет мне ответа. Ну что ж,

не беда!
Оденусь я в землю сырую...

— Что меня привлекает в азмари? — повторяет мой вопрос Гэбрэ Медхэн. — Неподдельный патриотизм, бескорыстие, глубокое знание нужд простого народа. Их песни полны народной скорби. Не песня, а застывшая слеза.

...Я ПОЗНАКОМИЛСЯ с ним в театре, ходил к нему на беседы, чтобы потом отправиться к нашим общим друзьям. В его рабочей комнате — пристройке барачного типа, расположенной во дворе, я увидел портрет К. С. Станиславского.

— Мой кумир! — сказал Гэбрэ Медхэн. — Я много экспериментировал, изучал различные театральные школы, течения, направления. Но мне ближе всех ваш Станиславский.

Цэгайе Гэбрэ Медхэн родился 17 августа 1936 года около небольшого городка Амба в провинции Шоа. Его родители — крестьяне. Отец из народности галла, про которую говорят, что это нация всадников.

Ему еще не исполнилось пяти лет, как он начал пастись стадо: удел эфипастухов.

Ходил в одежде, состоящей из одной бараньей шкуры.

— Представляете, как я выглядел? Вот поеду в Лондон, где недавно вышла моя книга, облачусь в баранью шкуру и заявлюсь на площадь Пиккадилли. Перещеголяю всех «биттлов» и положу начало новому течению в моде — эфиопским модерном... Серьезно говоря, пастух — едва ли не самая романтическая, поэтическая профессия.

— Из бывших пастухов не может появиться неудачник, пессимист, нытик, а поэт может, — говорит

Я увидел мальчика, который лежал на дороге в драной одежонке. Он стонал, как умирающий, и не в силах был сказать ни единого слова. Случайный прохожий,

увидевший его, остановился, словно для того, чтобы услышать:

— Я очень скоро умру.
У меня нет жилья, нет пищи...
Нет обуви... Нет и глаз...

Но вернемся к биографии поэта. Родители определили Гэбрэ в пер-

Гэбрэ. — Я не навязываю своего мнения, но будущему поэту не мешает пройти школу пастушества. Каждый день наблюдаешь природу, и детские глаза навсегда запечатлевают ее картины, естественные и прекрасные...

У него острое отношение к детям и подросткам, которые в эфиопской столице берутся за самые разнообразные работы. Они прислуживают в гостиницах, подметают улицы, торгуют зеленью, подменяют на время сторожей, исполняют функции посыльных в магазинах, ресторанах, кафе. Бродят по улицам, площадям, закоулкам и каждого встречного — своего и приезжего из других стран — спрашивают: не нуждается ли господин в каких-либо услугах?

Многие из них пришли из деревень, и в большом городе им негде приютиться. Работают на улице, сияют тоже. Здесь, на улице, и умирают. У Цэгайе есть стихотворение о мальчике с трагической судьбой:

Когда я прогуливался по улице,

увидел мальчика, который лежал на дороге в драной одежонке. Он стонал, как умирающий, и не в силах был сказать ни единого слова. Случайный прохожий, увидевший его, остановился, словно для того, чтобы услышать: Я очень скоро умру. У меня нет жилья, нет пищи... Нет обуви... Нет и глаз... Но вернемся к биографии поэта. Родители определили Гэбрэ в церковную школу. Во время богослужения пел в хоре. Живой, впечатлительный мальчик тяготился нудным, однообразным распорядком дня. Зубрили наизусть молитвы, жития святых, учили старинный язык гэз, на котором не говорит народ. Полумертвый язык, необходимый лишь в церковном обиходе. Родители вняли просьбам Гэбрэ: он был переведен в светскую школу. Окончив ее, поступил в коммерческий колледж Аддис-Абебы. Однако торговые дела не увлекали юношу. Поступил на службу в университетскую библиотеку. Пристрастился к чтению архивных материалов. Увлёкся естественной историей. Интересно, а что там, за Эфиопией, за Африкой?

Он много поездил по белу свету. Учился в Англии. Тяга к театру овладела им. Проходил стажировку в парижской «Комеди Франсез», работал в Римской опере. Побывал в Соединенных Штатах. Своими глазами наблюдал, как в капиталистическом обществе процесс урбанизации сводит на нет прикладное на-

родное искусство, лишает его питательных корней. Видел, какие уродливые формы принимает искусство, отходя от своего исконного назначения — быть духовной пищей широчайших народных масс. Он с болью в душе присматривается к своим соотечественникам и африканцам из других стран, попавшим на Запад и стремящимся отрешиться от всего национального. Это о них он пишет в стихотворении «Вступление к африканской совете»:

Приученный сгибаться
В современных стульях,
Сработанных известным светилем
моды,

Он сидит скукожившись.
Но его совесть тревожит его.

Она в нем еще спит,
Она сохранилась.
Вы глядите направо,
Вы глядите налево,
Вы глядите вокруг.
Но как часто вы забываете

посмотреть
На самого себя!

Разорванное ярмо угрожает вернуться!

Это время не наступило,
Но оно в этом образе

сгибающегося.
Чужие и чуждые золотые

побрякушки
И есть, по существу, порабощение.

ОСУЖДАЯ «приученного сгибаться» перед всем иноземным, забывающего «посмотреть на самого себя» человека, оторванного от родины, поэт и театральный деятель Цэгайе усиленно разрабатывает эфиопскую национальную тематику. В 1967 году за развитие эфиопской литературы ему присуждают Национальную премию. К тому времени он уже был широко известным поэтом, автором нескольких книг. А свою первую работу он опубликовал, когда ему исполнилось 17 лет. Это был поэтический рассказ о вооруженной борьбе эфиопских партизан против итальянских оккупантов. Его отец сражался в партизанском отряде: мальчик долго не видел его — отец покинул родную деревню и тайком пробрался в горы, где действовали народные мстители.

— Я родился во времена фашистского господства в нашей стране и хорошо знаю по своей семье, что это такое. Мать часто вызывали в полицию на допросы, она меня брала с собой. На всю жизнь запомнил сцены надругательств оккупантов над мирным населением, над женщинами, нашими матерями. В своем творчестве я часто возвра-

щаюсь к матери, ее великому, святому образу:

Держи мою руку, мать, держи.
Я нуждаюсь в тебе, чтобы
встать на собственные ноги.
Я нуждаюсь в тебе, чтобы
возвышаться

До человека! Возвышаться,
прочно стоять на земле

И — обвинять!

Мне трудно удержаться от традиционного вопроса: над чем сейчас работает Цэгайе?

— Пишу историческую драму, которая перенесет читателя и зрителя во времена эфиопского короля Калеба. VI век нашей эры. Вот в какую древность забрался! Вы спросите: почему меня привлекают исторические картины? Видимо, в развитии каждой страны неизбежно наступает такой период, когда вся жизнь окрашивается исключительно современными тонами. В таких условиях особенно ценишь свое, древнее, национальное. Я — за сохранение наших эфиопских традиций. Не подумайте, однако, что я враг всего иноземного! Я перевел на амхарский язык «Гамлет» и поставил пьесу великого драматурга в Аддис-Абебе. В моих переводах эфиопский зритель увидел «Макбета» и «Тартюфа». Увидит, как я надеюсь, и гоголевского «Ревизора». К сожалению, я не владею русским. Перевожу Гоголя с английского. Советский театр произвел на меня огромное впечатление. Будучи в Москве, я все вечера посвящал театру. Что еще? Работаю над драмой о Пушкине. Превосходнейшая тема!

ПОСЛЕДНИЙ раз я повстречался с ним в домике известного эфиопского художника Гэбрэ Кристиана Даста. Они разговаривали об оформлении новых книг, о декорациях в театре. Затем все начали осматривать полотна художника. Большие по размеру, они «не смотрятся» в комнатах, и мы начали выносить их во дворик. Вокруг шумели эвкалипты, подлакивая ручейку, воюющему с камнями. По тесной улочке шли люди — кто с чем: с кувшинами в руках и на спине, со связками сена и хвороста, гнали скот.

Текла сама жизнь, вынесшая талантливую пастушку из эфиопской деревни на авансцену большого искусства.

Ник. ХОХЛОВ.